

ЩЕМЯЩЕЕ ЧУВСТВО УТРАТЫ

Галина Борисовна Таланова родилась в городе Горьком. Окончила Горьковский государственный университет. Биофизик, кандидат технических наук. Автор восьми книг стихов и прозы, член Союза писателей России. Публиковалась в журналах «Нева», «Юность», «Роман-журнал XXI век», «Север», «Москва», «Наши современники», «Аргамак», «Волга – XXI век», «Новая Немига литературная» (Белоруссия), «Вертикаль. XXI век», «Подъём», газетах «Литературная Россия», «День литературы», «Общенисательская литературная газета», альманахах «Гостиный двор», «Невский альманах» и др. Лауреат литературных премий «Болдинская осень» (2012), журнала «Север» (2012); золотой лауреат Международного конкурса «Её Величество книга!» (Германия, 2016), золотой дипломант VII Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2016). Живёт в Нижнем Новгороде.

Обманчивое, хрупкое тепло...
И бабочка порхает над лугами,
Хоть я ждала, что хрустнет,
как стекло,

Трава,
Уже не встав под каблуками...
Так горько знать,
Что всё равно конец
У лета, что уже пылает красным.
И бабочка над мятой —
не жилец,
Хотя она по-прежнему
прекрасна.

Всему свой срок.
И время уходит.
А вот очнулась —
И трепещут крылья.
Так ветер тащит за собою нить —
И змей парит,
Лежавший от бессилья, —
Он видит землю маленькой,
родной,

Но тащит вверх,
Где скроет облаками...
Любовь под осень кажется
смешной,
Но я держусь за ниточку
руками.

Я смотрю, как дымится вдали
Мелкий дождь, горизонт
размывая.
Тянет сыростью здесь от земли,
Хоть, казалось, жизнь будет
без края.
Этот дождь, что висит без труда,
Будто птица, парящая в небе...
Всё пройдёт, как уходит вода,
Нас взметнувшая ветром
на гребень.

Всё пройдёт,
И любовь отшумит,
Та, поющая в ночь соловьями,
Ведь уже не осталось обид
И размолвок, что были меж
нами.

Только горечь и шёпот дождя,
Что играет по клавишам листьев.
И тетрадку несущая, как дитя,
Без которой я жизни не мыслю,
Прижимая к груди от воды,
Что подрезала крылышки пуху.
И головки склонили цветы,
Скорбно сгорбились, точно
старуха...

...На берёзе глубокий надрез,
Сладкий сок и бездумную
негу —

Помню всё.
Этот свет не исчез,
Не растаял, как след твой
по снегу...

Я твоей не желаю любви,
Только, милый, прозрачного
взгляда.

И тогда запоют соловьи
Средь заросшего клёнами сада.

...Будто в юности,
Годы — вода,
Что уходит в песок между
пальцев...
Не прощались с тобой навсегда,
Мы ещё на земле постояльцы.
Для чего же по следу собак
Посылаю,
Боясь, что прервётся?
Отгоняю забрезживший мрак,
Зачерпнув в ковш звезду
из колодца,

Но с собой не могу унести —
Ковш водой обожжёт ледяною.
Покачаю звезду лишь в горсти,
Только в памяти свет твой
со мною.

Посылаю свой голос больной,
Что дрожит зыбким бликом
в колодце.
Хоть казалась мне встреча
судьбой,
Только гулкое эхо вернётся.

Пух тополиный падает, как снег,
И оседает на озёрной глади.
И я смотрю на солнце из-под
век,
Нанизывая бисер букв
в тетради...

Ну вот и лето...
Летний день, как пух,
Как сон под утро в праздную
субботу.

Как шар воздушный,
Рвётся в небо звук,
Фальшивую в руках оставив
ноту.

Скажу «люблю»,
Коль просишь,

Снова ждѣшь,
Когда прощу полынные обиды.
Слова, слова,
Цена которым — грош,
Но не подам о том, что плачу,
вида —

О том,
Что жизнь уходит на закат.
И мы любовь поим,
Чтоб не засохла,
Хоть весь в пырее и крапиве сад.
И время подошло сгибаться
вѣтлам.
Но ты вьюнком сухой сжимаешь
куст —
И расцветает высохшая ива.
И кажется:
В неё вдохнули чувств,
Ведь голову не клонит
сиротливо.

Все короче и редкостней строки.
Будто горло щадя, замолчу.
Для кого этот звук одинокий
Раздувает, как ветер, свечу,
В мелкий дождик не к месту,
Некстати,
Что гоняет круги по воде?
Липнет к телу намокшее платье.
Мир как будто захлопнут
в слюде.

И намокшие перья вороны
Одиноко лежат на песке.
И играют под каплями кроны,
Точно клавиши в лёгкой руке.
Тихий шелест.
И плеск, и безволье.
По-кошачьи подкралась печаль
И свернулась сердечною болью.
И темнее всё с возрастом даль...

Где ты, бабочка
С ярким окрасом,
Что парила над броским
цветком?
И плыву я под дождичком
брассом
И о юности плачу тайком.

Теперь всё реже говорю с тобой,
Хоть освещаешь путь в ночи
по краю.
И дни летят опавшею листвою.
Так много их,
Что сбились ветром в стаю.
Совета, мама, больше не прощу
И только постоянно сожалею.
Я собираю, будто анашу,
Слова в стихи.
Твоей тоской болею...
Свой странный дар зачем

передала?

Оставила одну с дурманом
сладким.
По ком звонят в тиши колокола,
Когда сижу и плачу
над тетрадкой?
Такой густой и мелодичный
звон —
Так, помнишь, камень бросив
в Херсонесе,
Там колокол звучал,
Как будто гонг.
О скалы билось море в пьяной
спеси.
Летела пена, розовел закат,
Как персик, наливаясь райским
соком.
Там плечи были тёмный
шоколад,
Но думала о вечном, о высоком.

Жизнь прошла —
А я улиткой
Душу в панцирь вновь втяну.
По стеклу течёт дождь ниткой
И спешит к веретену.

Ушла любовь,
Которая цвела,
Как папоротник в ночь,
Когда Купала.
Зрочки блестели, словно
зеркала,
И над огнём, как бабочка,
порхала.

Казалось,
Крылья обожгу вот-вот.
И свет манил своим теплом
внезапным.
И столько соловьиных было нот,
Вплетавшихся в травинки
Пеньем складным!
Околдовалась,
Верила в судьбу,
Что тот костёр —
Как бакен среди ночи,
Хоть годы вылетают все в трубу
И по утрам из снов выводит
кочет...

Опять ищу цветов,
Что облетел.
И был ли он,
Сгоревший, как комета,
Что папоротник тот
Выпустил из стрел
И прострелил мне сердце
до рассвета?

А возраст нас уже находит
по походке.
За временем спешим
С одышкой, сбившись с ног.

Сварливые уже, со скрипом
в горле нотки.
И слёзы без причин
в надушенный платок.
Неспешно жернова размалывают
время.

И я, как Дон Кихот, машу,
машу рукой —
Но мельницы летят, хоть
не молотят семя.
Как будто бы не знают,
что вечный есть покой.

А ты уже три года не со мной...
Но зацвели досрочно нынче
вишни
И окружают розовой стеной,
Хоть кажешься на празднике
всем лишней.
И щёки в паутиночке морщин,
Подковой губы сложены
печально,
Хотя грустить особых
нет причин.
И солнце в ливень рвётся
неслучайно —
Так катер разрезает гладь реки,
В тебя плеснув искрящейся
волною.

Но мучают ночами сквозняки,
Хоть жить мечтала за мужской
спиною.

А цвет недолог.
Скоро опадёт,
Разбередив затянутые раны.
Как незабудка, синий небосвод
Вновь обдаёт черёмушным
дурманом.

Как в юности, кружится
голова...
Про годы забываешь,
Что меж пальцев

Всю ночь бросался ветер
в дверь,
Как птица бился грудью в окна
И под забором выл, как зверь
С промокшей шерстью
и голодный.

И ветки в кипенном цвету
Ломал, бросая на дорогу,
И подвести спешил черту
Позёмкой белой у порога.
И снег летел, и ранний цвет,
Ночь прихорашивая вьюгой.
И я искала светлый след
В глазах потерянного друга.

И дни бегут, секутся,
облетают, —
Ветшают всё,
Что строили с трудом, —
Как лёд на солнце, безмятежно
тают.
А я всё жду, что встреча за углом.
Что всё ещё однажды

поправимо,
Отыщется родной твой человек,
Назначенная свыше половина,
Пускай истёк короткий бабий
век.

И ветер побежал косою и низкой
тенью
По пойме у реки,
Пригнув дурман-траву.
И я живу в глуши, как дикое
растенье.
И соки все ушли в ажурную
ботву.

И ветер заломил вихры
прибрежным ивам,
Что кланялись реке,
Несущей облака.

И вскинула ветла нестриженую
гриву.

И распрямила стан,
Качая мотылька.
И звякнет в тишине у кладбища
железка.
А может, это лодка, что бьётся
на цепи?
И сердце защежит от шелеста
и плеска
Ознобной пустоты, как едешь
по степи.

Доска к доске...
И за бревном бревно.
Так я судьбу мостила
скрупулёзно.
Наличники с резьбой на окно.
Всё было основательно,
серьёзно.
Но вот достроить всё же
не смогла:
Под крышу подвести, внутри
отделать...

И за резным окошком встала
мгла,
Сгущается до самого предела.
Перекосило стены.
Грунт ползёт.

И пол, скрипя, пружинит
под ногами,
Хотя кукушка продолжает
счёт —
Как будто прилетела за долгами.
Кому отдать?
Некошеной траве?
Иль дереву замшелому

в коросте?
И роём пчёл всё мысли в голове
О том, что здесь случайные
мы гости.

Что так качался над пролётом
с лодкой...

Я так идти страшилась
над рекой...

Теперь по кочкам и камням —
походкой,

Как по мосту,
Держась одной рукой

За те кусты,
Что берег заселили

Там, где была песчаная коса.
И ноги утопают в вязком иле...
Но всё звучат родные голоса —
Как будто эхо по реке разносит
Через года, где девочкой была.
А время косит, косит, косит...
В траве блеснёт, кольнув, тех
дней игла.

Сгорел, как свечка,
Но обжёт июль...
Осталось сожаленье о потере.
И лето повернуло к тучам руль.
И хочется закрыть плотнее
двери,

Когда заходит солнце за леса
И небо освещает, как пожаром.
И началась осадков полоса,
Где только подставлять бока
ударам

Домам, скрипящим на шальных
ветрах.
...Так пахнет сеном, скошенным
недавно!

Острее ощущаешь смерти страх,
Когда природа в осень входит
плавно.

Ну вот ещё один никчёмный год.
И лето облетело лепестками.
А я всё жду от жизни тех
щедрот,
Что золотыми грезилась песками.

Песок бежит меж пальцев,
как вода.

Ушла любовь.

И близкие уплыли.

И пахнет горьким хлебом
лебеда.

И света ждёшь в ночи
от звёздной пыли.

Убогий дождик целый день,
Он с ветерком идёт в обнимку.
И почернел трухлявый пенёк,
А ноги едут по суглинку.
И запах скошенной травы,
В дожде созревшей,
Сердце колет.
Напомнит: срок есть у листвы
И у крапивы, вставшей в поле.
Срок у всего.

У жизни срок;
У дома, битого дождями;
И у любви, что, как цветок,
Пила осенний дождь горстями,
А ночью пряталась в туман,
Умывшись ледяной росой;
И у корней,
Что ураган все обрубил,
Махнув косою.
И ключ в лесу, и нитку вен...
Всё истончит жара,
А вьюга
Заточит в свой ознобный плен.
Ах, этот колкий запах луга...

Снова день прозрачен,
как слеза,
Хоть и дует с севера ветрило.
Тучи разогнал на три часа.
Стало всё по-прежнему мне
МИЛО.

Истончилось лето,
Словно нить
С бусами, пронизанными светом.
На груди любила теревить
Камушки, задумавшись
с ответом...
Раскатились бусины в траве...
Не собрать...
Держу остаток нитки —
Три денька...
И мысли в голове,
Что блеснут, как золотые
слитки.

Хоть ищущу,
Но знаю: не собрать.
Лишь хранить три бусины
в стакане.
Я б хотела этот свет вобрать,
Чтобы трогать бережно все
границы.

В чёрном бархате горбится
шмель
Над ромашкой, что треплется
ветром.
Этот яблочный цвет —
что метель.
Облетают деньки незаметно.
Облетают душистым кустом,
Промотав столько зим, столько
вёсен.
Я как птица,
Что в небе крестом, —
Всё к отлёту готовится в осень.
Вислоухая скорбная тень
Залегла серым мхом на дороге.
Этот солнечный, призрачный
день
Омывает, как море, мне ноги.

По ковру серой тенью иду.
Знойным солнцем любовь
за плечами.
Твоё имя, как будто в бреду,
Повторяю все дни и ночами...
Отшумела любовь, как жасмин...
И дрожит майский цвет
на дороге.
И всё больше метельных сединок.
Вот и старость скрипит
на пороге —
Не пуцую, убегу по ковру
Своей тени, безвольной
и сирой...
Не пришлась к твоему я двору,
Но питаюсь волшебною силой
Той воды,
Что уже утекла.
Этот свет — как в затылок
осколок:

От него расступается мгла,
Хоть похож он на блеск
от иголок.

Так и жизнь пролетит
на потребу
Этой дудке трухлявой, родной.
Смотрит холодно синее небо...
Тёмный лес протянулся стеной.
Только где-то в глубинах
чащобы
Вторит дудке моей соловей.
Жму на дырочки...
Что за хвороба —
Свет ловить сквозь сплетенье
ветвей?
Что за дар мне достался
в наследство?
Что за яд в моей крови течёт?
Помидоры растят по соседству
И годам не ведут скорбный счёт.

Это мне лишь забава стучаться
К той беде,
Что стоит на борту.
И на воду глядеть,
И прощаться,
Птичьи трели лова на лету...
Потянусь,
Покачнусь —
Накренится
Эта лодка — и хлынет вода.
Морщит время счастливые

лица.

И гудят на ветру провода,
Словно пальцы коснулись
органа
И погладили, пробуя звук.
Жизнь — мираж, что блестит
из тумана,
И стихи — как спасательный
круг.

Чем ты меня, любимый, напоил,
Что всё грущу
О тех чудесных встречах, —
Затягивали глубже, будто ил,
Когда мне руки опускал
на плечи.

Я вырваться хотела —
Не могла.
И увязала в тёплой неге глубже.
И будто бы внутри колокола
Звонили, как в рождественскую
службу.

Казались сказкой впереди года,
Коль будем вместе
В радости и в горе.
И замыкал ты будто провода,
Когда руки касался в разговоре.
А дальше было —
рук не расплести...
Как небеса над нами отгудели?

И зайчик солнечный зажала
я в горсти,
Качаю, как младенца
в колыбели.
Как пели, заливались за окном
И обещали золотые горы,
Что на виске случились
серебром.
А я всё те же надеваю шоры.

А ты молчишь,
Не пишешь, позабыл.
И майский цвет смешался
с мокрым снегом.
Я так хотела, чтоб был тёплый
тыл,
Хотя парила меж землёй
и небом,

Как птица, расправляя два
крыла,
И сочиняла о любви сонаты —
И видела, как расступалась
мгла,
И не боялась горестной
расплаты

За то, что не свила, как все,
гнезда
И теребила беспрестанно струны,
Звучащие, как с током провода.
А от тебя спокойный свет шёл,
лунный, —

Не согревал, как солнышка
ладонь,
Но освещал дорогу
в неизвестность.
Теперь в руке дрожит свечи
огонь,
Но неприютна и пустынна
местность.

Уже сады свистят в два пальца
Вслед отпылавшему теплу.
И натянул как бы на пальцы
Паук плетение в углу.
И шмель повис на паутине:
По крыльям будто сыплет град.
И столько скорби в сей картине
Конца и времени утрат.
Приблудный ветер студит воду
И дует, как на кипяток.
На осень поворот погоды.
На дачу помощней замок...
Замок на сердце в паутине,
Где половицы всё скрипят
О той любви, где парус в сини
И как волна шальная взгляд.

